

<sup>1</sup> Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля  
ул. Ленина, 3, Омск, 644043, Россия

<sup>2</sup> Омский государственный педагогический университет  
наб. Тухачевского, 14, Омск, 644099, Россия  
E-mail: isim78@mail.ru

## **ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (К ВОПРОСУ СЕМАНТИКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ)**

В отечественной науке отсутствуют обобщающие работы по поясным наборам Омского Прииртышья раннего и развитого средневековья. В целях решения данной проблемы нами обобщены сведения по поясным наборам потчевашской (V–VI – IX вв.) и усть-ишимской (X – первая треть XIV в.) культур. Определены их основные черты, осуществлен поиск аналогий: для потчевашской культуры (Окунево III) – в комплексах VI–IX вв. Башкирии

и Прикамья, Средней Азии и Алтая; для усть-ишимской (Усть-Ишим I, Паново I, Малая Бича IV, Кипо-Кулары III) – в комплексах X–XIV вв. Прикамья, Приобья, Большеземельской Тундры. В раннем и развитом средневековье в Омском Прииртышье поясных наборов известно больше, чем в Нижнем, Сургутском, Томском и Новосибирском Приобье и Зауралье. В пределах одного памятника сосуществовали привозные наборы с юга (Алтай, Казахстан) и Запада (Прикамье). В раннем средневековье доминировали тюркские, в развитом – сроткинские. Отдельные пояса застегивались пряжками с традиционно местным оформлением – изображением «медвежья голова между лап» (Малая Бича IV) или зеркально удвоенными лосиными головками (Паново I). Данные изображения являются полиморфными. Сюжеты интерпретированы и охарактеризованы с точки зрения мифологических и шаманистских представлений об окружающем мире.

*Ключевые слова:* Омское Прииртышье, раннее средневековье, потчевашская культура, развитое средневековье, усть-ишимская культура, поясной набор, пояс, бляшки-накладки, пряжка, полиморфное изображение, медведь, лось, мифологические представления.

Поясным наборам раннего и развитого средневековья Западной Сибири отведено определенное место в обобщающих работах по археологии [Археология СССР, 1981; 1987], а также в монографиях Л. А. Чиндиной [1977], Плетневой [1997], О. Б. Беликовой [1996], В. И. Семеновой [2001] и других исследователей. Не обойдены вниманием и поясные наборы из Омского Прииртышья [Могильников, Кони́ков, 1983; Кони́ков, 1993]. Вместе с тем отсутствуют специальные работы, в которых был бы систематизирован, хронологически выверен и, с использованием методов междисциплинарного подхода, интерпретирован западно-сибирский материал. Обобщающие работы подобного рода имеются по соседним регионам [Ковалевская, 1972; Добжанский, 1990]. Цель нашей работы – обобщить сведения по поясным наборам Омского При-

иртышья, определить их основные черты, проследить общее и особенное в сравнении с наборами соседних территорий, а также интерпретировать полиморфные изображения на поясной гарнитуре.

В раннем и развитом средневековье в Омском Прииртышье поясные наборы получили самое широкое распространение. По количеству обнаруженных экземпляров эта территория превосходит соседние регионы – Нижнее, Сургутское, Томское и Новосибирское Приобье, а также Зауралье (см. табл. ниже).

Первые образцы археологически фиксируемых поясных наборов в Омском Прииртышье обнаружены в памятниках раннего железного века [Матюшенко, Татаурова, 1997]. Это соответствует и времени появления поясных наборов на соседних территориях [Добжанский, 1990. С. 81]. В то же время мы солидарны с В. Н. Добжанским, не исключавшим

возможности оформления боевого пояса на территории в эпоху раннего металла. Во всяком случае они

Распределение поясных наборов и их деталей  
на средневековых памятниках Омского Прииртышья

№ п/п	Памятник	Основа	Пряжка	Накладки	Наконечники ремня	Источник
1	Верхнее Аксеново 11, городище			2	2	Кони́ков, 1993.
2	Мурлинский I курган № 10				1	Чагаева, 1966.
3	Усть-Ишим I № 13, погребение № 1	+	1	1	–	Кони́ков, 1984.
4	Усть-Ишим I № 13, жертвенный комплекс	+	1	1	3	Кони́ков, 1984.
5	Кипо-Кулары III, поселение		2			Кони́ков, 1993.
6	Кипы III, курган № 1, насыпь		1			Кони́ков, 1993.
7	Кипы III, курган № 3, насыпь		1			Кони́ков, 1993.
8	Кипы III, курган № 17, погребение № 2	+		1	3	Кони́ков, 1993.
9	Кипы III, курган № 8, погребение № 2					Кони́ков, 1993.
10	Кипы III, курган № 7, погребение № 1					Кони́ков, 1993.
11	Кипы III, курган № 20, погребение № 2			2		Кони́ков, 1993.
12	Кипы III, курган № 21, насыпь			1		Кони́ков, 1993.
13	Кипы III, курган № 22, насыпь			1		Кони́ков, 1993.
14	Малая Бича IV, случайные находки			2	2	Кони́ков, 1987.
15	Малая Бича IV, курган № 1, насыпь			1		Кони́ков, 1987.
16	Малая Бича IV, курган № 1, погребение № 4			1	4	Кони́ков, 1987.
17	Малая Бича IV, курган № 1, погребение № 6			1		Кони́ков, 1987.
18	Малая Бича IV, курган № 3, погребение № 3	+	1	3		Кони́ков, 1987.
19	Малая Бича IV, курган № 4, насыпь			1		Кони́ков, 1987.
20	Паново I, курган № 67, погребение № 1	+				Кони́ков, 1993.
21	Паново I, курган № 74, погребение № 7	+			6	Кони́ков, 1993.

должны были появиться в эпоху развитой бронзы, когда сформировались наступательный и защитный комплексы вооружения [Матющенко, Сеницына, 1988]. Фольклорный материал угро-самодийских народов Западной Сибири также содержит косвенные данные, свидетельствующие в пользу раннего появления боевого пояса [Мифы..., 1992].

На протяжении раннего (потчевашская культура V–VI – IX вв.) и развитого (усть-ишимская культура X – первой трети XIV в.) средневековья здесь сосуществовали, причем в пределах одного памятника, привозные с юга и запада (или изготовленные по привозным образцам) наборы. В раннем средневековье доминировала тюркская поясная гарнитура, в развитом – сросткинская. Например, в Среднем Причулымье, которое в X–XIII вв. н. э. было освоено носителями сросткинской культуры, поясные наборы известны всего в пяти экземплярах [Беликова, 1996. С. 85–86]. Крайне редко сросткинские детали поясных наборов представлены и в памятниках X–XIV вв. н. э. Томского и Новосибирского Приобья [Плетнева, 1997].

В отличие от северных территорий Западной Сибири в Омском Прииртышье не получили широкого распространения шарнирные пряжки – только один экземпляр обнаружен в Малой Биче IV. Еще одной особенностью Омского Прииртышья явилось присутствие здесь на протяжении всего средневековья поясных наборов, имеющих аналогии в культурах тюрко-язычных кочевников юга Сибири, Вычегды, Прикамья и Зауралья.

Раннее и развитое средневековье в указанном регионе представлено двумя последовательно сменяющимися культурами – потчевашской и усть-ишимской, отражающими, в основном, линию развития южных хантов, хотя обе, на наш взгляд, включали и иные этнические группы. Обе культуры локализуются в южно-таежном и в лесостепном Прииртышье, прилегающих к ним районах. По многим культурно-духовным параметрам они родственны культурам лесной полосы от Скандинавии до Обь-Иртышского междуречья, причем усть-

ишимская культура является восточной периферией этого мира.

Памятников потчевашской культуры известно много, но подавляющее их большинство – поселения. Могильники единичны, большим числом погребальных комплексов представлен один – грунтовый Окунево-III

в низовьях Тары [Могильников, Конилов, 1983]. В его девяти (из 32) погребениях (семь по обряду трупосожжения, два по обряду труположения) обнаружены детали поясных наборов. Это бронзовые пряжки (все с железными язычками), псевдопряжки, накладки и наконечники ремня. Большинство из них имеют прямые аналогии в комплексах VI–IX вв. Башкирии и Прикамья. Параллели некоторым образцам обнаружены в комплексах Средней Азии и Алтая. Отдельные воины того времени носили по два пояса [Могильников, Конилов, 1983. С. 176]. Традиционно пояса предназначались для крепления к ним сабель и боевых ножей. Таким образом, поясные наборы на рассматриваемой территории появляются в их классическом варианте со второй половины I тыс. н. э. одновременно с распространением на юге Северной Азии и в Восточной Европе. Отличительной чертой региона было снабжение его поясами с запада (Прикамье и Приуралье) и с юга (Алтай и Северный Казахстан).

Поясных наборов и их деталей из Усть-Ишима известно больше – в основном, в курганных могильниках, реже на поселениях и городищах южно-таежного Прииртышья. Почти полностью сохранился пояс в кургане № 13 Усть-Ишим I [Конилов, 2007. С. 423, рис. 200]. Он состоял из двух кожаных полос шириной 35 мм, наложенных друг на друга и прошитых по длинным краям (уцелели следы от швов), а в центре основы находилось по два сквозных отверстия от бляшек-накладок. Толщина ремня составляла 2 мм. На внешней стороне размещалось 49 бляшек из белого металла, украшенных растительным орнаментом. Бляшки двух типов: арочные (27 экз.) и сердцевидные (22 экз.). Первые представлены двумя вариантами: с

прорезьями для пропуска ремешков и без них. Арочные бляшки располагались в одной плоскости и крепились, как отмечалось выше, двумя шпеньками к основе. Сердцевидные имели иную (горизонтальную) ориентации и располагались вплотную друг к другу (расстояние между ними составляло 2 мм). В 0,25 м от описываемого пояса лежала бронзовая пряжка с остатками железного язычка и кожаного ремня шириной 14 мм. Пряжка имела овальное кольцо и прямоугольный приемник [Конииков, 1983].

Остатки второго пояса входили в жертвенный комплекс (кенотаф?), расположенный в насыпи того же кургана Усть-Ишим-1. Он сохранился хуже, однако непотревоженность комплекса позволяет восстановить внешний вид пояса: состоял из кожаной основы шириной 27 мм, к которой крепились заклепками 22 бляшки из белого металла с растительным орнаментом на внешней стороне [Конииков, 2007. С. 424, рис. 204]. Арочные бляшки представлены двумя вариантами: с прорезьями и без них. С внутренней стороны основа была подшита материей, напоминающей шелк (сохранились фрагменты) [Конииков, 1983]. Остатки третьего пояса сохранились в погребении № 1 кургана № 7 Кипы III [Конииков, 2007]. К основе крепилось 14 сердцевидных бронзовых накладок с растительным узором. Детали четвертого поясного набора (в непотревоженном виде) открыты в погребении № 2 кургана № 8 Кипы III. От него сохранилось три бронзовых наконечника ремня, 25 сердцевидных накладок с растительным узором, 15 выпуклых круглых бляшек, а также якоревидная подвеска. Детали пятого поясного набора (в непотревоженном виде) открыты в погребении № 2 кургана № 17 Кипы III [Конииков, 1993].

Детали поясного набора найдены на могильнике Малая Бича IV [Конииков, 1987]. В их числе – часть бронзовой шарнирной пряжки, украшенной характерным уралозападно-сибирским сюжетом – головой медведя, лежащей между лап, в так называемой «жертвенной позе» [Конииков, 2007. С. 424, рис. 203]. По верхней части фигуры зверя проходит горошчатый пояс.

При повороте изделия на 180° лапы медведя воспринимаются как головы животных, смотрящих друг на друга. Под сомнение данную трактовку ставит одна деталь – отсутствие у них глаз. Однако изображения зооморфных голов, образованных медвежьими лапами, мы находим на шарнирных соединениях пряжек с зооморфным декором X–XI вв. из Сайгатинского IV (погребение № 76). Ареал распространения подобных изделий охватывает Верхнее Прикамье, Большеземельную Тундру, Нижнее и Среднее Приобье [Древние бронзы..., 2000].

На поселении Кипо-Кулары III Тевризского района Омской области найдена бронзовая пряжка сrostкинскогo типа с остатком железного язычка. Ее отличительная черта – необычайно крупные размеры: длина – 6 см, ширина – 4,8 см. Прорезь в рамке предназначена для ремня шириной 2,4 см. По размерам ей не удалось подобрать аналогии. Оригинальна и вторая пряжка с Кипо-Кулары III, имеющая, скорее всего, отношение к поясному набору. Она выполнена в виде фигуры человека с поджатыми ногами и подвешенной к поясу саблей (?). Ноги имеют продолжение в виде узкой рамки с железным язычком. Пряжка ассоциируется с каменными изваяниями тюркоязычной степной Азии [Конииков, 1993. Рис. 19, 8].

К местной традиции оформления пояса относится пряжка из погребения № 2 кургана № 74 Паново I [Конииков, 2007. Рис. 201]. Она содержит полисемантическое изображение, предполагающее несколько вариантов прочтения. «Форма пряжки округло-вытянутая, с изображением двух голов лосей, расположенных зеркально. Шеи отмечены тремя параллельно углубленными линиями, нижняя линия голов – горошчатым орнаментом» [Спирина, 2002. С. 36]. При повороте на 90° форма изделия воспринимается как антропоморфная личина. Не исключено намеренное использование технических отверстий с целью создания ритуального образа. В ином ракурсе (при повороте еще на 180°) выявлено изображение головы ушастого орнитоморфного существа (совы или филина) – соприкасающиеся заостренными концами уши лосей образуют

клюв, а морды животных – голову птицы. Аналогии известны на бронзовых литых пряжках Нижней и Средней Оби X–XI вв. н. э. [Древние бронзы..., 2000. Кат. л. № 12]. В этом же ракурсе композиция может восприниматься как голова рогатого животного (козла?). Его морда образована лосиными ушами, а рога – горошчатым орнаментом. Цепочка «жемчужин» одновременно формирует шеи двух зооморфных существ, чьи головы образованы лосиными носами. Сходная композиция находится на металлической литой пряжке с зооморфным декором второй половины X–XI вв. из могильника Сайгатинский VI. «Приемник имеет сердцевидную форму с удлинённым мыском, основание пряжки трапецевидное. У основания приемника симметрично размещены изображения двух обращённых друг к другу голов зооморфных существ. Их узкие выгнутые тела, представляющие собой цепочку «жемчужин» и завершающиеся раздвоенным «хвостом», и составляют форму приемника... Форма не совсем обычна для пряжек с зооморфным декором, распространённых на Средней и Нижней Оби. Больше всего она напоминает пряжки, широко встречающиеся в материалах сrostкинской культуры IX–XI вв. н. э.» [Древние бронзы..., 2000. Кат. л. № 6]. Как и в случае с пановской пряжкой, изображение является полиморфным: одновременно оно воспринимается как голова рогатого животного (козла?). Форма пряжки напоминает изображение рыбы.

Интерпретация данных изображений представляет определённый интерес для реконструкции мифологических представлений их создателей. Изображения лосей

известны среди петроглифов и в числе декоративно-прикладных изделий с неолита до этнографической современности [Окладников, Мартынов, 1972. С. 194, 222], но «наиболее популярен этот художественный образ в искусстве Урало-Сибирского региона был все же в периоды раннего железа и раннего средневековья, причем в первый – в самостоятельных образах, а во второй – в композициях с другими персонажами. С

начала II тыс. н. э. он утрачивает свои лидирующие позиции» [Яковлев, 2001. С. 222].

Согласно этнографическим данным, в ритуалах у хантов р. Васюган и некоторых иных групп обских угров, где фигурируют животные, основное внимание уделялось лосиным головам, что, вероятно, связано с представлением о голове, как о месте обитания души. [Там же. С. 226]. На это обратили внимание Д. Н. Эдинг при изучении деревянной скульптуры Урала неолита – раннего металла [Эдинг, 1940], В. И. Матющенко при характеристике зооморфных изображений неолита и бронзы в Томском Приобье [Матющенко, 1964.], позже М. Ф. Косарев в отношении кулайских изображений раннего железного века [Косарев, 1984].

Лось (лосиха) связан с широким кругом мифологических представлений: он выступает как символ плодородия, прародитель людей и животных (представления о двух лосихах-роженицах – матери и дочери, небесных владычицах и женах шамана); лось связан с тремя ярусами мифологической Вселенной (Верхним, Средним и Нижним миром); он является воплощением Космоса; служит духом-охранителем и помощником шамана в его вселенских перемещениях; выступает как солярный и астрономический символ [Шишкин, 2001. С. 259]. А. Я. Яковлев считает, что попытки некоторых исследователей раз и навсегда определить идеологическое оформление культа лося вряд ли можно признать состоятельными. Более плодотворны, на его взгляд, осторожные и некатегоричные выводы о многофункциональности и полисемантической этого образа [Яковлев, 2001. С. 226].

Голова антропоморфного существа (если допустить, что отверстия на изделии имеют не только функциональное назначение, но и несут определённую смысловую нагрузку), возможно, изображает маску, назначение которой – восстановить нарушенную границу между мирами, изолировать смерть и нейтрализовать ее. Маска выступала в качестве оберега от злых сил и какместилище духа-покровителя, но чаще использовалась в переходных обрядах,

особенно в обряде погребения [Там же. С. 201–202].

Филин (или сова) в сибирской мифологии – помощник или покровитель шаманов, нередко сам является символом шамана в силу того, что может пересекать границы миров мифологического космоса. Шаманский костюм Алтае-Саянского региона олицетворяет птицу и включает в себя своеобразный головной убор в виде филина

с головой и крыльями [Полосьмак, 2001. С. 158–159]. Один из персонажей обско-угорской мифологии – старик-филин по имени Йибы-Ойка, почитается как один из зооморфных предков. По легенде, он ведет войну с лесными женщинами Мис-нэ. Его деревянные изображения представляют собой антропоморфный персонаж с заостренными ушами на голове, придающими ему черты филина [Гемуев и др., 1989. С. 144].

Таким образом, пряжка, сочетающая в себе изображения данных мифологических персонажей, может рассматриваться как шаманский атрибут, способствующий путешествиям шамана в Верхний мир мифологического космоса. Об этом говорят такие детали, как маска и зооморфный предок, на принадлежность изделия к Верхнему миру указывают и парные лосиные головы.

Определенный интерес представляет голова рогатого животного (козла?) в сочетании с парным изображением змеевидных существ. Данный сюжет пока не полностью расшифрован, поэтому сделаем ряд предположений. В искусстве скифо-сибирского звериного стиля образ козла (козерога) исследователи соотносят с верхним ярусом мифологического космоса. Фигурки козлов обнаружены на высоких головных уборах пазырыкцев в курганах Ак-Алаха [Полосьмак, 2001. С. 143–144]. Это животное наделялось астрономической и временной символикой. Козел в мифологической традиции древних славян, скандинавов был связан не только с верхним, но и с нижним миром [Мифы..., 1992. С. 663–664]. Змеи, согласно общиндоевропейским мифологическим представлениям, являются символом Великой богини, воды и подземного мира. Мы склонны считать, что сочетание образа рогатого животного со змеями на поясной

гарнитуре маркирует нижний ярус мифологического космоса. Однако изображение данного животного для таежной традиции нехарактерно и может считаться заимствованным. Сочетание данной композиции с изображением рыбы подтверждает принадлежность изделия (поясной пряжки) к подземному миру мифологического космоса. Рыба в трехчленной мифологической Вселенной, как правило, служит основным зооморфным классификатором нижней космической зоны. Так, особое отношение к налиму фиксируется у обских угров. В их мифологических представлениях он, как и щука, выступает одной из ипостасей Куль-Отыра – божества нижнего мира [Полосьмак, 1994. С. 91–93]. Вообще, подземный и подводный мир у сибирских народов выступал как бы нераздельно. Например, вход в Нижний мир, по верованиям долганов, выглядел как дыра между переплетенными хвостами двух рыб. Страна мертвых (Патлам) у хантов, находившаяся в Нижнем мире, рассматривалась в связи с холодной и мрачной стихией Ледовитого океана. Возможно, этот образ связан с индоиранскими представлениями о водном потоке, отделяющем мир живых от мира мертвых [Там же].

Однако изображение рыбы в виде поясной пряжки – явление скорее нетипичное. М. Ф. Косарев отмечал нехарактерность рыб для древнего западно-сибирского изобразительного искусства [Косарев, 1984. С. 184–186]. В связи с этим можно предположить, что данная пряжка являлась шаманским атрибутом, способствующим его мистическим путешествиям, и символизировала мифологическую Вселенную, что подтверждается и иными зооморфными компонентами, входящими в данную композицию.

Образ медведя (на пряжке из Малой Бичи) также полисемантичен и многофункционален. Иконография «медведь в жертвенной позе» (голова зверя между лап) широко представлена в металлопластике Урала и Западной Сибири с раннего железного века – на эполеобразных поясных накладках, пряжках, браслетах и пуговицах. Семантике данного сюжета посвятили свои работы В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская [1971], Л.

А. Чиндина [1977], Ю. В. Ширин [1997], Ю. П. Чемякин [2002], С. В. Сотникова [2004] и др. Большинство исследователей полагают, что так изображалась шкура медведя. Именно в таком виде – с головой, уложенной на передние лапы, она, как известно, использовалась в ходе «медвежьего праздника». Однако это не значит, что данный сюжет безоговорочно относили к иллюстрации такого обряда. И. Н. Гемуев обратил внимание на то, что изображениям медведей «не хватает» большого пальца на одной или на двух лапах. Он предполагал, что «изображения четырехпалых медведей... связаны с образом покойного “великого” шамана, ставшего, возможно, духом-помощником шамана» [Гемуев, 1985. С. 142–143]. По мнению С. В. Сотниковой, размещение изображения медвежьей шкуры с головой и лапами на деталях пояса и браслетах было равнозначно облачению человека в медвежью шкуру и превращению его в медведя, что актуализировало идею взаимопревращения человека (возможно, занимавшего в обществе особое положение) и медведя, связанную с жизненным круговоротом [Сотникова, 2004].

Наибольший интерес представляет гипотеза Ю. В. Ширина, детально рассмотревшего композиционную связку медведь + олень на эполеобразных застежках. Исследователь считает, что наиболее ранние воплощения иконографии «медведь в жертвенной позе» представляют собой этапы трансформации сюжета космогонического мифа» [Ширин, 1997. С. 221–222]. На этих пряжках также зафиксировано устойчивое сочетание голов двух зооморфных персонажей (олений, лосей?), одновременно являющихся медвежьими лапами, что может служить иллюстрацией постепенной замены названий двух важнейших созвездий у таежных народов (а следовательно, и изменением космогонических представлений): Большая Медведица называлась ранее Лосихой Хэглэн, а Малая Медведица – Теленком Хэглэн.

Культурно-мифологическое значение пояса у древних народов очень велико. Выявлены две линии его восприятия: народная и военно-аристократическая. К народному относится широкий пласт архаичных представлений, согласно которым пояс через форму круга выражал идею разграничения внутреннего,

упорядоченного (земного, человеческого) и внешнего, неорганизованного (потустороннего, мифологического) пространства [Добжанский, 1990. С. 58–60]. С помощью пояса устанавливалась связь между тремя мирами мифологического космоса. Снятие пояса могло означать приобщение к потустороннему миру, а его скручивание – содействовать оборотничеству. Так, в финно-угорской мифологии пояс – символ силы, средство перехода из одного мира в другой, с ним связывалась жизнь шамана [Сериков, 2000. С. 213]. С эпохи военной демократии пояс становится символом принадлежности к воинской касте. Он – непрменный атрибут вождя, жреца и бога. «Способность бога перевоплощаться, его сила, справедливость находили отражение в сюжетах, изображениях на пряжках» [Матюшенко, Татаурова, 1997. С. 100].

Во всех случаях, когда сохранялась основа или погребение было не потревожено, пояса лежали в развернутом виде перпендикулярно к телу человека и всегда там, где они носились при жизни. Ни в одном случае не зафиксировано нахождение с поясом пряжки. Более того, в ряде случаев прослежено, что пряжки преднамеренно отрывались [Коников, 2007. С. 242]. Лишь отдельные экземпляры поясов застегивались пряжками, чье оформление было традиционно местным. Это пряжки, декорированные изображением «медвежьей головой между лап» (Малая Бича IV) или зеркально удвоенными лосиными головками (Паново I).

Данные сюжеты могут быть охарактеризованы с точки зрения мифологических и шаманских представлений об окружающем мире. В них, возможно, зашифрованы представления таежников об устройстве и происхождении мифологической Вселенной (маркировка всех трех мифологических ярусов разными животными и их сочетаниями), а также ряд более узких сюжетов (например, мистическое путешествие шамана в Верхний мир и его священный брак с космическими женщинами-лосихами), входящих в контекст космогонических представлений. Не следует забывать, что эти сюжеты выступают в единой композиционной связке и, следовательно, являются частями одного мифологического текста. Объединяет данный текст расположение всех его

изобразительных элементов на поясной гарнитуре. Вероятно, такие пряжки определяли социальный статус их владельца.

### Список литературы

- Археология СССР* / Под ред. С. А. Плетнева М.: Наука, 1981. 301 с.
- Археология СССР* / Под ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 510 с.
- Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. н. э. Томск, 1996. 271 с.
- Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтайстика: археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–144.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989. 176 с.
- Древние бронзы Оби: Каталог / Сургутский художественный музей. Сургут, 2000. 47 с.
- Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 234 с.
- Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи в IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 6–14.
- Кони́ков Б. А. Курганная группа X–XII вв. н. э. у с. Усть-Ишим Омской области (к вопросу об усть-ишимской культуре) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 96–112.
- Кони́ков Б. А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 122–140.
- Кони́ков Б. А. Малобичинские курганы как источник по истории таежного Прииртышья начала II тыс. н. э. // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск, 1987. С. 69–96.
- Кони́ков Б. А. Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. Омск, 1993. 196 с.
- Кони́ков Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитии средневековья. Омск, 2007. 465 с.
- Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 248 с.
- Матющенко В. И. Духовная жизнь томских племен эпохи неолита и бронзы // Тр. Том. гос. ун-та. Томск, 1964. С. 112–131.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник Ростовка вблизи г. Омска. Томск, 1988. 133 с.
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.
- Мифы народов мира: Энцикл. М., 1992. Т. 2. 719 с.
- Могильников В. А., Кони́ков Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 68–89.
- Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. М., 1972. 255 с.
- Плетнева Л. А. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. Томск, 1997. 244 с.
- Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с., илл.
- Полосьмак Н. В. Стережущие золото грифы. Новосибирск, 1994. 122 с.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001. 295 с.
- Сериков Ю. Б. Атрибуты шаманского культа // Тр. Междунар. Конф. По первобытному искусству. Кемерово, 2000. Т. 2. С. 214–215.
- Сотникова С. В. О семантике сюжета «медведь в жертвенной позе» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 449–453.
- Спирина И. В. Искусство древнего и средневекового населения Западной Сибири в ООМИИ им. М. А. Врубеля // Сибирские древности в собрании Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Каталог. Омск, 2002. С. 4–10.
- Чагаева А. С. Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье // Из истории г. Омска и Омской области. Омск, 1966. С. 4–21.
- Челякин Ю. П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 24. С. 214–245.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И. Древнее искусство Урала и Западной Сибири // История искусства народов СССР. М., 1971. Т. 1. С. 71–82.
- Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.
- Ширин Ю. В. Культ медведя в Западной Сибири (к проблеме контаминации) // Актуальные проблемы древней и



средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 217–223.

*Шишкин А. С.* «Всадник» из Каменного мыса // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 256–260.

*Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала: из истории звериного стиля. М., 1940. Вып. 10. 104 с., илл.

*Яковлев А. Я.* Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. Томск, 2001. 274 с.

*Материал поступил в редколлегию 25.04.2008*

**B. A. Konikov, I. L. Simonova**

**BELT DECORATIONS OF THE OMSK IRTYSH AREA  
OF THE EARLY AND DEVELOPED MIDDLE AGES  
(TO THE QUESTION OF SEMANTICS AND INTERPRETATION)**

In the science of our country there are no generalizing works on the belt decorations of the Omsk Irtysh Area of the early and developed Middle Ages. With a view to the solving of the given problem we have generalized data on the belt decorations of the Potchevash (V–VI – IX centuries) and the Ust-Ishym (X – the first third of the XIV centuries AD) cultures. We have determined their basic features, carried out the search of analogies. For the Potchevash culture (Okunyovo III) – in complexes of the VI–IX centuries AD in Bashkiria and Kama Area, Central Asia and Altai. For the Ust-Ishym (Ust-Ishim I, Panovo I, Malaya Bicha IV, Kipo-Kulary III) – in complexes of the X–XIV centuries in Kama Area, Ob Area, Bolshezemelskaya Tundra. In the early and developed Middle Ages in the Omsk Irtysh Area the amount of belt decorations surpasses the Lower, Surgut, Tomsk and Novosibirsk Ob Area and Trans-Ural. Within the limits of one monument coexisted imported decorations from the South (Altai, Kazakhstan) and the West (Kama Area). During the early Middle Ages dominated Turkic, during developed – Srostki's decorations. Some belts were clasped by buckles with traditionally local design – image «the bear's head between front legs» (Malaya Bicha IV), or mirror doubled elk heads (Panovo I). The given images are polymorphic. Plots are interpreted and characterized from the point of view of mythological and shaman ideas about the world around.

*Keywords:* The Omsk Irtysh Area, the early Middle Ages, the Potchevash culture, the developed Middle Ages, the Ust-Ishym culture, belt decoration, belt, pendants-onlays, buckle, the polymorphic image, bear, elk, mythological ideas.